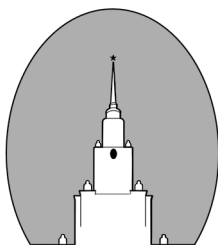

Евгения
ГОРСКАЯ

БЕЛАЯ НЕВЕСТА,
ЧЕРНАЯ ВДОВА

МОСКВА
2024

Евгения
ГОРСКАЯ

БЕЛАЯ НЕВЕСТА,
ЧЕРНАЯ ВДОВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Крыга*

Горская, Евгения.

Г70 Белая невеста, черная вдова : роман / Евгения Горская. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-202580-8

Татьяна, врач-кардиолог городской больницы, привыкла к своему одиночеству, к размеренной и однообразной жизни. Когда-то у нее едва не завязался роман с коллегой Юрой, лишь случайность остановила ее от унижительной связи с женатым мужчиной, чему Таня теперь была очень рада. Она не собиралась ничего менять и вовсе не обращала внимания на соседа Степана, пока не оказалась вместе с ним вовлечена в загадочный водоворот. Сначала случился инфаркт у их пожилой соседки Инны Ильиничны, которая никогда не жаловалась на сердце, потом произошло убийство ее племянника, а следом за этим появился таинственный архив мужа Инны Ильиничны, в прошлом известного журналиста, где содержался компромат на влиятельных чиновников... Но больше всего Таню пугала Влада, бывшая невеста Степана, которая вознамерилась вернуть своего жениха. А Таня уже не представляла без него своей жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горская Е., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-202580-8

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Я люблю хорошие книги про «обычных» людей!

Речь сейчас не идет о по-настоящему сложной, большой литературе, которая поднимает самые сложные и страшные вопросы — быть или не быть; тварь ли я дрожащая или право имею; что делать и кто виноват? Все это вопросы, поставленные писателями в разное время и в разных книгах, и ответов на них нет до сих пор — и вряд ли появятся.

Вернее так: в тот день, когда человечество поймет, как на них отвечать, оно, это самое человечество, и кончится. Ибо ему, человечеству, нечем станет заняться — не рассматривать же всерьез в качестве занятия улучшения качества селфи, прием витаминов для омоложения и постановку «Трех сестер» в новом, революционном прочтении!.. Вышеперечисленное не имеет никакого смысла, а вот эти вопросы — имеют!

Беллетристика была, есть и будет всегда — куда не закончится цивилизация. Несмотря на то что она не поднимает вселенских вопросов и не создает исполинов духа, «литература для чтения» необходима любому человеку, даже самому высокообразованному, — чтобы неожиданно для себя, сидя с книжкой в метро или на даче, вдруг засмеяться или заплакать, задуматься о чем-то, вспомнить хорошее

и порадоваться, что все впереди, вспомнить плохое и еще раз порадоваться, что оно миновало, посочувствовать героям, невзлюбить злодеев. Это и есть человечность.

Кстати сказать, это очень человеческое занятие — описывать себе подобных, разбираться в их судьбах, рассуждать о поступках, рассматривать с разных сторон. Так вот, я не люблю, когда «книги для чтения» написаны плохо и повествуют невесть о ком — я не знаю таких людей, потому что их, таких, не бывает!..

А вот Таню Головину, героиню нового романа Евгении Горской «Белая невеста, черная вдова», я знаю!.. И вы знаете, дорогие читатели! Наверняка есть такие знакомые у вас или у ваших знакомых... Таня работает кардиологом в городской больнице. Она внимательная, добросовестная, сообразительная. Звезд с неба не хватает, зато порядочная — на ухаживания женатого заведующим отвечает сдержанно. Когда он переходит в наступление, отправляет к жене и малюткам. Молодец, Таня! С такой приятно дружить. Ведь читатель дружит с героями, покуда читает книгу. Или ссорится с ними. Или враждует. Книга — это серьезное и важное дело, небольшая жизнь, которую предстоит прожить от первой до последней страницы.

Таня Головина вызывает «Скорую», обнаружив на площадке соседку — той стало плохо, и она потеряла сознание, — и сама едет с ней в больницу, и каждый день справляется о ней, и навещает, и приносит таблетки. Таня — симпатичный человек!..

Конечно, она не знает, что в тот момент, когда карета «Скорой помощи» увозит соседку в больницу, воронка невероятных и опасных событий начинает медленно, но неудержимо закручиваться и из нее

уже не удастся выбраться. С водоворотом придется бороться, одолевать, захлебываться, опасаясь, что опасная глубина затянет и вода накроет с головой.

Мне нравится в книгах Евгении Горской, что ее герои — не только обычные, но и самые настоящие люди! Врач Таня Головина, живущая самой обыкновенной жизнью, словно получает от автора задание — разобраться в темной запутанной истории и получить правильный ответ. И награда за усилия — любовь, новое понимание жизни, уверенность в собственных силах.

Это достойная награда, доложу я вам!..

Человеку больше всего хотелось поторопить время. Он так устал от ненависти и невозможности что-либо исправить и так хотел, чтобы кошмар, в который он попал, поскорее закончился, что перед этой усталостью отступал даже страх. Впрочем, бояться было нечего. Никто и никогда не сможет доказать, что он как-то причастен к этой смерти. К смерти того, кому очень скоро предстоит умереть.

Главное — не стоит спешить, чтобы не допустить ошибок.

14 марта, понедельник

День выдался на редкость хорошим. В окно ординаторской светило солнце, Таня подставляла его лучам сомкнутые веки и наслаждалась проникающим сквозь кожу нежным теплом.

Хлопнула дверь, Таня с сожалением отвернулась от окна. Завотделением Юрий Васильевич постоял у порога в задумчивости и опустился в свободное кресло. Ему нечего было делать в ординаторской, он пришел ради нее, и Таня это знала.

В красавца и весельчака Юру были влюблены все врачи и медсестры отделения кардиореанимации. У него имелся лишь один существенный недо-

статок, перечеркивающий все достоинства, — Юра был женат.

О больных Таня рассказала Юрию Васильевичу еще утром, больше говорить им было не о чем, то есть, конечно, темы бы нашлись, только она эти разговоры не поддерживала. Сидеть молча в пустом помещении было тягостно, и Таня в который раз отправилась обходить больных.

Когда смена закончилась, солнце, конечно, уже село, зато наступил тихий, не по-мартовски теплый вечер, и она отправилась домой пешком. Юра догнал ее у ограды больницы, до метро было по пути, и они молча шли по просохшему чистому тротуару, вдоль которого еще лежал грязный снег.

Думать о Юре было нельзя, но она думала и, поднимаясь в лифте в квартиру, ругала себя за это.

Таня не успела испугаться, только удивилась, что дверь в квартиру напротив распахнута, и соседка Инна Ильинична Кривицкая лежит, прижавшись щекой к выложенному кафелем полу лестничной площадки. Дальше Таня все делала автоматически: прощупала слабый пульс, попыталась поднять веки и вызвала «Скорую».

Она сама снимала соседке кардиограмму дней десять назад. Кардиограмма была как у двадцатилетней.

Снова подошел лифт. Таня подняла глаза, она сидела на полу рядом с Инной Ильиничной. Из лифта вышел сосед из третьей расположенной на их этаже квартиры. Этого соседа Таня видела лишь трижды. Однажды они вместе поднимались в лифте, во второй раз спускались, а в третий столкнулись у дверей подъезда. В третий раз сосед с ней поздоровался, и она ответила.

— Что здесь?.. — недовольно спросил он, возвышаясь над Таней во весь свой немаленький рост.

— Думаю, что инфаркт, — констатировала Таня.

Куртка у соседа была расстегнута, на шее криво висел шарф, из-под шарфа виднелся тонкий серый свитер. Мужчина нервно переминался с ноги на ногу, кажется, ему до смерти не хотелось торчать рядом с ней у входа в собственное жилище.

— Наверное, ее надо перенести, — покосившись на Инну Ильиничну, предложил он.

— Лучше не трогать, — предостерегла Таня. — Сейчас «Скорая» приедет.

Он опять потоптался и тяжело вздохнул.

— Вы идите, — предложила Таня. — Вы сейчас ничем не можете помочь.

Как ни странно, сосед не ушел. Сел на корточки рядом с ней, но смотрел при этом в сторону и так явно тосковал, что Тане стало его жалко.

Послышались голоса, лифт выпустил троих мужчин в синей медицинской робе. Таня с облегчением вздохнула, стала объяснять бригаде «Скорой», как обнаружила свою соседку, настояла, чтобы женщину везли в кардиологическое отделение ее больницы, и о соседе совсем забыла.

Он обнаружился уже в машине «Скорой». Сел в уголочке, глядя, как на Инну надевают кислородную маску.

— Зачем вы здесь? — удивилась Таня, присаживаясь рядом. — Я врач, а вам ехать незачем.

— Я поеду, — не глядя на нее, заявил мужчина.

Разговаривать он явно был не расположен, всем видом показывал, как тошно ему здесь находиться. Непонятно было только, зачем поехал. Таня отвернулась.

Сосед ей решительно не нравился.

Потом она провожала каталку с Инной Ильичиной в реанимацию, разговаривала с дежурившим этой ночью кардиологом и опять наткнулась на соседа, когда выходила из больницы через приемное отделение.

Сосед с видом страдальца сидел на стуле, сжимая в руках серую кепку. Увидев ее, поднялся, пошел рядом.

— Она в реанимации, — объяснила Таня, хотя сосед ни о чем не спрашивал.

Он промолчал. Плелся за ней, уставившись себе под ноги.

Какого черта сидел в больнице, если его не интересует состояние Инны Ильичиной?

Улицы в этот поздний час были совершенно пусты, только редкие машины проезжали, освещая фарами грязный снег у кромки тротуара.

У метро весело смеялась компания молодых людей, сосед неодобрительно на них посмотрел.

Юра сейчас сказал бы что-нибудь вроде «как хорошо быть молодым», и Таня улыбнулась бы в ответ.

Сосед открыл рот, только когда они поднялись к себе на этаж.

— До свидания, — не глядя на спутницу, буркнул он.

— Спокойной ночи, — вежливо ответила Таня.

Только захлопнув за собой дверь, она вспомнила, что квартира соседки осталась незапертой.

Дверь следовало запереть. Но, во-первых, она не знала, где Инна Ильичина держит ключи, а во-вторых, ей ужасно не хотелось заходить без разрешения в чужую квартиру. Муж соседки когда-то был крупным чиновником, и одинокая пенсионерка

Инна Ильинична не бедствовала. Дома у нее хранилось много антиквариата и разных ненужных штучек вроде больших изумрудных щеток или нерядовых картин на стенах. Конечно, если из квартиры что-то пропадет, женщина едва ли подумает на Таню, но все-таки...

Таня так и стояла, не раздеваясь, когда на площадке послышались шаги. Она отперла дверь, выглянула. Сосед направлялся к двери Инны Ильиничны.

— Хочу запереть квартиру, — заметив Таню, буркнул он.

— Вы знаете, где ключи? — зачем-то она отправилась за ним следом.

— Знаю.

Он пошарил рукой, зажег свет в чужой прихожей. Уверенно прошел к стоявшей у двери тумбочке, выдвинул верхний ящик, достал связку ключей.

В чужом доме мужчина ориентировался отлично.

— Спокойной ночи, — попрощалась Таня, не дожидаясь, когда он покинет соседскую квартиру, и наконец-то заперла дверь в свое жилище.

15 марта, вторник

Дробышев проснулся, как обычно, в семь. Выбрался из постели, поставил на плиту чайник, по привычке включил утренний новостной канал радио. Говорили о раскрытом деле масштабного воровства в Министерстве культуры, он немного послушал и выключил радио. Хищения в культурной сфере сейчас интересовали его меньше всего.

Нужно было позвонить Егору и Владе, рассказать, что Инна Ильинична в больнице. Звонить не

хотелось до смерти, несмотря на то, что он давно уже мог думать о Владе спокойно. Вернее, он совсем о ней не думал.

Вчера из больницы он вернулся поздно, почти в два. Звонить среди ночи было невозможно, и неприятное действие пришлось отложить на утро.

Чайник закипел, он заварил себе чай прямо в кружке. Посидел, обняв кружку руками, и, нехотя поднявшись, поплелся в квартиру Инны Ильиничны.

Старую бумажную записную книжку он нашел рядом с телефоном. Открыл страничку с буквой «Е» в углу, сразу увидел аккуратно написанное «Егор», снял трубку стационарного «панасоника» и набрал записанный рядом с именем городской московский номер племянника соседки.

Длинные гудки шли долго. Немудрено, нормальные люди в это время еще спят. Он уже собрался положить трубку, когда в ней что-то шелкнуло, и тихий женский голос произнес:

— Алло.

— Влада? — на всякий случай спросил Дробышев.

— Да... — растерянно произнесла она.

— Это Степан, — объяснил он. — Степан Дробышев.

— Степа? — удивилась Влада. — Приве-ет.

— Привет, — отозвался он. Дробышев уже забыл ее привычку немного растягивать слова. Когда-то ему это очень нравилось, как нравилось в ней все. — Егор дома?

— Н-нет, — неохотно призналась она. — А что?

— У Инны Ильиничны инфаркт, — объяснил Дробышев. — Ее вчера отвезли в больницу.

— Егора нет. — Она растерялась, вздохнула. — Что же мне теперь делать?

Ему меньше всего хотелось думать о том, что же ей теперь делать.

— Ее отвезли... — Дробышев назвал номер больницы и посоветовал: — Позвони в справочную.

— А телефона справочной ты не знаешь?

— Не знаю. Посмотри в Интернете. Пока.

Больше говорить было не о чем, и он положил трубку.

Телефон зазвонил тут же, он даже не успел открыть дверь. Видимо, у Влады стоял определитель номера, и она знала, откуда он звонил.

— Степа, — попросила Влада. — Скажи мне свой мобильный.

Он послушно продиктовал цифры и опять проговорил:

— Пока.

Чай, пока он ходил в соседскую квартиру, совсем остыл, и Дробышев его вылил.

Ему было страшно думать о том, что Инны Ильичны может не стать. Это было странно, потому что он вспоминал о соседке, только когда случайно ее встречал. Тогда же вежливо спрашивал, не нужна ли ей помощь. Женщина помощи не просила.

Он твердо знал, что сам он мгновенно получит от нее любую помощь, если таковая потребуется.

Дробышев снова заварил чай и снова не стал его пить. Достал планшет, нашел в Интернете телефон справочной больницы, позвонил, послушал длинные гудки. Ему не ответили, кажется, справочная еще не начала работать.

Еще, наверное, стоило позвонить родителям, рассказать про Инну, но будить родителей в такую рань он не стал. Выпил остывший чай и поехал на работу.

К новой квартире Таня еще не привыкла. Квартиру ей купил отчим. Можно было и не покупать, поскольку мама после нового замужества переехала к мужу, и Таня вполне уютно чувствовала себя в их маленькой старой хрущевке. При прежнем мэре хрущевку собирались снести, но у нового мэра нашлись дела поважнее, и несколько утопавших в зелени домов продолжали стоять.

— Я куплю тебе квартиру, — сообщил отчим, оглядывая заставленные старыми книжными шкафами стены. Таня пыталась возражать, но отчим возражений не слушал. Он смотрел на маму счастливыми глазами, и было видно, что тратить на жену деньги является отныне его первостепенной задачей.

Маме повезло. Муж не только очень ее любил, но и был человеком весьма небедным.

Идея с квартирой для падчерицы засела у отчима в голове прочно, Таня настояла только на том, чтобы это не была элитная новостройка. Ее зарплата никак не тянула на элитарных соседей. Сошлись на старом кирпичном доме рядом с больницей.

Квартира оказалась небольшой, только с очень высокими потолками, к которым Таня никак не могла привыкнуть.

С Инной Ильиничной она познакомилась сразу, когда в квартиру только завозили мебель. Веселая соседка Тане понравилась. И Таня ей понравилась. При встречах они останавливались поболтать, а когда соседка узнала, что Таня работает в соседней больнице, Таня сделалась практически ее домашним доктором.

Впрочем, Инна Ильинична не была любительницей полечиться. Таня сама настояла на том, чтобы снять ей кардиограмму.

День опять выдался на удивление солнечным. Идти по улице было приятно, и Таня старалась не спешить в отделение. Юрия Васильевича она заметила выходящим из метро. Убавила шаг, надеясь, что тот заспешит к больнице, но за отделением обернулся, дождался, когда она подойдет.

— Знаешь, — признался он, вышагивая рядом. — Для меня все дни делятся на те, когда я тебя вижу, и те, когда не вижу.

— Юра, перестань, — попросила Таня.

Ей не нравилось звать его Юрой, но он просил, и она говорила Юра, когда никто не слышал.

— Я не могу бросить своих детей, — в который раз начал он объяснять. — Но я хочу тебя видеть и хочу быть с тобой.

— Юра, ну не надо, пожалуйста.

Этот бесконечный разговор ей давно уже надоел.

Наверное, будь он свободен и предложи ей руку и сердце, Таня немедленно согласилась бы. Но он не был свободен, и представлять, как она обнимается с ним тайком, оглядываясь на дверь ординаторской, было невыносимо.

— Пригласи меня сегодня в гости. — Он остановился, взял ее за плечи, заглянул в глаза.

Она дернула плечами, вырываясь. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь их увидел.

— Юра, пожалуйста, не надо!

— Я тебе неприятен?

— Нет, — честно сказала Таня. — Ты мне приятен. Просто я не хочу быть ничьей любовницей. Извини.

— Ты не любовница, ты моя любимая женщина. — Он снова зашагал вдоль забора больницы.

Таня молча пошла рядом.

— Ну кто виноват, что мы встретились сейчас, а не пять лет назад?

— Никто, — констатировала она.

Грязный снег под деревьями осел, обнажая следы выгула собак. Таню давно занимало, как собачники проникают на территорию, если больница обнесена сплошным забором, а при входе всегда дежурит охрана.

— Я ночью привезла свою соседку, — доложила Таня. — Похоже на инфаркт.

— Сколько лет? — Взгляд у Юры сразу стал собранным. Он хороший врач, отличный, недаром стал завотделением.

— Семьдесят. — Таня помолчала и неожиданно добавила: — Я недавно снимала ей кардиограмму. Отличная была кардиограмма. Не понимаю, откуда мог взяться инфаркт.

— На все воля божия, — усмехнулся Юрий Васильевич.

Их догнала полная докторша из хирургического. Юра заговорил с ней, Таня отстала, пошла медленней.

В отделении все было без перемен. Инна Ильична спала, к носу и рукам тянулись резиновые трубки. Таня постояла около соседки, вернулась в ординаторскую, достала из сумки расческу, вернулась, пригладила спутанные волосы пожилой женщины.

Если у Инны Ильичны есть родственники, им нужно сообщить. Таня вздохнула, подошла к следующему больному. Рабочий день начался.

Болезнь тетки была хорошим поводом позвонить мужу. Конечно, Влада и просто так звонила, без повода, но в таких случаях Егор, как правило, только злился, и разговора не получалось.

Влада подошла к большому зеркалу в спальне, критически себя оглядела, осталась довольна. Фигура у нее отличная, почти идеальная. И лицо хорошее, никогда не скажешь, что уже тридцать.

Ну разве можно ее сравнить с девками, с которыми Егор путается? А девок на протяжении семи лет их брака было немало.

Влада себя не обманывала, мужа она давно не любила. Она его ненавидела.

За окном было солнечно. В такую погоду хорошо съехать на лыжах с некрутого склона, крутых склонов Влада опасалась. И чтобы внизу любимый и любящий мужчина подхватил ее, смеющуюся после удачного спуска, и целовал у всех на виду. А потом бы они сидели в маленьком кафе, пили кофе или коктейль и знали, что впереди у них чудесная длинная ночь и еще много таких же прекрасных ночей и дней.

Ничего такого в их с Егором жизни не было. На лыжах кататься ездили, конечно. И кофе в Альпах пили. Только счастья, от которого все время хочется смеяться, она не ощущала.

Смеяться ей хотелось когда-то давно, со Степой.

Влада села в кресло, поджав под себя ноги, помедлила, вздохнув, взяла лежавший рядом на маленьком столике телефон, набрала мужа и слушала гудки, пока механический голос не сообщил ей, что абонент не отвечает. Как будто она сама этого не поняла.

Степкин звонок отчего-то разволновал. Не потому, что тетка заболела, до тетки Владе не было особого дела, а так... Просто ее больше никто никогда не любил так трогательно, как Степа.

Они были бы прекрасной парой, если бы Степа мог обеспечить ей такую же жизнь, как Егор. Это вра-

нье, что с милым рай и в шалаше. С милым рай в шалаше, если шалаш в раю. У Степы никогда не было и не будет таких денег, к которым она привыкла.

Влада покосилась на телефон, снова звонить не стала. Егор уехал в пятницу вечером. Отдохнуть, объяснил он. Отдыхать на дачу он ездил примерно раз в месяц. Приезжал помятый, опухший от двухдневного пьянства. Она примерно представляла, как он там «отдыхает».

Хоть бы он совсем не вернулся!

Ну почему инфаркт случился с безобидной Инной, а не с ним?!

По телику все время говорят, что инфаркты молодеют. У маминой подруги сын в тридцать четыре года умер, а не пил, не курил. Егору скоро сорок, а ничего ему не делается.

Мысли были страшные, недостойные. Влада торопливо перекрестилась.

Вообще-то, Егор должен был вернуться еще вчера. Обычно он так долго свои загулы не затягивал, возвращался в понедельник. Иногда даже в воскресенье.

Влада опять покосилась на телефон, вздохнула, вновь набрала номер. Пусть вызовов будет два, муж должен понять, что случилось что-то непредвиденное.

В больницу тоже нужно было позвонить. Перед Егором она должна выглядеть безупречно, заботливой. Влада нашла в Яндексе телефон больницы, дозвонилась с первого раза, повезло.

Инна Ильинична Кривицкая лежала в реанимации, и навещать ее было нельзя, опять повезло. Тащиться в больницу Владе совсем не хотелось.

Она боялась болезней. Когда слышала о чьих-то недугах, разводила перед собой руками и мысленно по-